

Тагир Тагиров

СКАНДАЛ
В «БЕЛОМ
ДОМЕ»

РОМАН-ЭССЕ (1989–1991)

Санкт-Петербург

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Т13

Т13 Тагир Тагиров

Скандал в «Белом доме»: роман-эссе (1989–1991) / лит. ред. Е. Т. Мохова. — СПб. :
Свет, 2020. — 474 с.

В эту книгу вошла последняя рукопись романа-эссе моего отца, созданная в 1989–1991 годах. Память о нём — самобытном писателе, художнике, музыканте, жившем по совести и в войну, и в мирное время — сохраню в своём сердце...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Ахунзянов Тагир Исмагилович
(лит. псевдоним Тагир Тагиров),
наследники, 2020
© Мохова Е. Т., подготовка текста, 2020

Если кто заступится хорошим заступничеством, тому будет доля от Него, а кто заступится дурным заступничеством, тому будет тоже доля от Него. Поистине, Аллах над всякой вещью мощен!

Коран, Сура 4.
М.: изд-во Восточной литературы,
1963. С. 79

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Душный летний день 1988-го года. Москва, аэропорт Домодедово, кабина воздушного лайнера «ТУ-154». Вошла старшая стюардесса.

— Ну что, командир, — жалобно протянула она, — скоро полетим? Пассажиры волнуются.

— А чёрт его знает! — нервно ответил командир. — Велели ждать. Чего ждать? У нас всё готово.

В разговор вмешался штурман:

— Время давно вышло, в график войти будет трудно. К тому же по трассе приближается гроза...

— Что там у них стряслось, — проворчал командир и включил микрофон. — Говорит 413. Скоро мне дадите взлёт?

— Скоро! — послышался по радио женский голос. — Примете на борт ещё одного пассажира. Важного. Самолёт пойдёт литерным.

— Он и так необычный, мои пассажиры — делегаты девятнадцатой Всесоюзной партийной конференции. Кого ещё «важного» сажаете?

— Члена Центрального Комитета КПСС. Сейчас привезут — он подзадержался.

— Ждём... — Выключив микрофон, командир обратился к экипажу: — Полетит член ЦК. Кто же это?

— Что, не догадываешься? — второй пилот покачал головой. — Это же наш бывший!..

У командира взметнулись брови: — Неужели Шатманов?! Вот не думал. Как же он осмелился лететь с ними? — кивнул в сторону салона.

— Он-то? Он осмелится... Да и не «бывший» он вовсе для большинства из них — в салоне же его кадры, вот и сидят как миленькие, ждут хозяина. А его самого, видишь, отдельно везут. Как в добрые старые времена.

— А что ему?! — горячо воскликнул штурман. — Говорят, сам Генеральный за него горой. Давнишние друзья-приятели...

— А по мне, — вмешался второй пилот, — Генеральный ничего и не смог с ним поделаться, хотя жалобы на Шатманова отовсюду шли мешками: говорят, здорово заступился за него бывший идеолог республики.

— Подумаешь, фигура для Генсека!..

— Не говори, он же заступился не сам по себе, а как председатель комиссии обкома по разгромной статье о Шатманове.

— Ну и что? Потом на пленуме сам же выступил против Шатманова.

— Выступил... Слова к делу не пришьёшь, а заключение комиссии — это документ, солидная заступа.

Второй пилот вынул из внутреннего кармана кителя «Правду»:

— Послушайте, что говорил позавчера на партконференции главный редактор центрального органа партии Афанасьев. Та-ак, где же это?.. Ага, вот тут я отметил: «Очень много неприятностей мы пережили». Понимаете, неприятностей! «Только когда комиссия ЦК поехала и подтвердила всё, о чём было написано, нам стало немножко спокойнее...» Струхнул, видать, академик, наш идеолог ежа ему подпустил, серьёзный документ подготовил.

— На свою голову... — промолвил штурман. — Слукавил редактор, хотя и главный: я слышал, что комиссия ЦК подтвердила не всё, что было пропечатано.

— Это уж детали. С Шатмановым комиссия ничего не смогла сделать — у него заступа...

— Зато кончала идеолога...

— Чёрный пес нашкодил — с белого шкуру долой. — Командир глубоко вздохнул, посмотрел на часы. — Как бы то ни было, на месте Шатманова я бы дождался следующего рейса, полетел бы без этих, что в салоне. У них теперь свой бог, новый, Булин...

— Это ты, командир, полетел бы следующим, потому ты и не член ЦК. А Шатманову до всех них — как до лампочки: персональный пенсионер союзного значения, денежки огребает побольше тебя, живёт на государственной даче, к его услугам — пожалуйста, чёрная «Волга» из гаража самого обкома. Плевал он на всё! По его прихоти, видишь, рейс задержали. Мы же сидим, ждём его, да и эти самые в салоне. Так что, командир, собака лает, а караван идёт...

— Караван... Куда только он идёт?..

Послышался голос по радио:

— 413-й, принимайте пассажира, едет. Сейчас дадим взлёт. Да, мужики, как у вас там, в благословенной Уфе, с мясом хорошо?

— С мясом? — командир помолчал, потом с усмешкой ответил: — С мясом-то хорошо, но вот без мяса почему-то плохо...

— Э-э-э...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

— лейтенант, я тебя найду! Я тебя обязательно разыщу-у-у!.. — услышал из открытого окна вагона отходящего поезда голос своего — уже ставшего бывшим — ординарца Хайбуша лейтенант Талмас Таймасович Атласов, проважавший в мае 1946-го года с Моршанского вокзала демобилизованных солдат отдельного гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона.

Вышло так, что через пять лет не Хайбуш нашёл лейтенанта, а Атласов — ординарца. К этому времени он успел поработать секретарём райкома комсомола и два года проучиться в областной партийной школе, после окончания которой, его, двадцатипятилетнего, взяли в аппарат обкома партии лектором.

Первая командировка Атласова пролегла в Пригородный сельский район. Из райцентра его повезли в большое татарское село километров за пятнадцать. Был по-зимнему холодный день, кляча досталась никудышная, а Талмас всё ещё щеголял в своей армейской шинелишке и кирзовых сапогах. Пока доехали, дотащились по занесённой снегом дороге, продрог до мозга костей. Председатель сельсовета, встретивший его, посиневшего гостя, сам определил на квартиру, наказав хозяйке быстрее отогреть лектора, чтобы к вечеру был как штык. Хозяйка, старушка лет шестидесяти, завозилась с самоваром, сочувственно переговариваясь с присевшим к печке Атласовым.

— Как же вы в такой мороз работаете? Это же надо — сидеть на столбе, на ветру в такой тонкой одежонке?!

— Почему же на столбе? — удивился Талмас.

— Так как же, сынок, раз работа такая! Сельсовет же сказал, что ты лектрик, значит, приехал в наши дома свет дать. Все давно ждут, столбы-то были поставлены ещё до войны, вон их сейчас и половины не осталось — какие погнили, какие на дрова повытащили...

От догадки Атласов расхохотался: значит, его приняли за электрика! Спешил он сюда с «духовной пищей», а у людей, выходит, совсем другие заботы.

За чаем Атласов взялся объяснять разницу между лектором и электриком. Хозяйка, поняв свою оплошность, залилась краской и принялась смеяться, прикрыв рот уголком свежестиранного головного платка. В таком состоянии — весело смеющихся за самоваром — застал их, без стука ворвавшийся в дом, окутавшись в мороз, небольшого роста мужичок в чёрном полушубке и таких же валенках. С порога сняв малахай, он закричал:

— Товарищ лейтенант, едрит-кудрит, приехал и голоса не подаёт, пнимаешь (как всегда: «пнимаешь»), здравствуй, мой дорогой командир!

Атласов глазам своим не поверил: перед ним стоял бывший его ординарец Хайбуш — такой же живой и весь в движении, каким был на батарее, только в штатском. Обнялись, похлопали друг друга по плечам. Хайбуш сыпал как из пулемёта:

— Иду, пнимаешь, висит объявление около клуба, читаю: мать честная! — Атласов Т.Т.! Неужто, думаю, мой братишка-командир заявился? Сразу к председателю: где, говорю, лектор? Он даже растерялся, чего, говорит, орёшь, аль с хрена сорвался? Какой, говорю, он из себя? Да ничего, говорит, представительный такой, только худой. Он, говорю, не блондин ли слушаем? Точно, отвечает, беленький такой, но сейчас синий — весь замёрзший! Чего же ты путём не одеваешься, в такую погоду можно и простудиться. Вот узнал, едрит-кудрит, и прибежал, пошли ко мне, там моя Машка уже махан варит...

— Дай хоть на тебя посмотреть...

— Потом насмотримся! Ах, едрит-кудрит, вот радость-то! — Хайбуш волчком вертелся вокруг бывшего своего командира. — И ты, Марфуга-апа, собирайся, нечего тут пустым чаем кишки промывать. Пошли, одевайтесь!

Забеспокоилась хозяйка:

— Куда ты нас, Хайбулла, как на пожар торопишь? Садись, хоть чашку чая выпей. Лектрик-то кем тебе приходится, неужели знакомый?

— «Знакомый»?! — поддразнил Хайбуш. — Брат мой — дороже родного, едрит-кудрит, поняла? На фронте вместе воевали, фрицевские танки кромсали...

— Мне же скоро на лекцию... — начал было Атласов, Хайбуш прервал:

— На лекцию вместе пойдём. Послушаю командира, едрит-кудрит! Одевайтесь, пошли, я живу как раз напротив клуба. Идём.

Атласов оделся.

— Да-а, — критически осмотрел его Хайбуш, — всё в той же шкуре, пора, пожалуй, менять. Придумаем, командир, что-нибудь, пошли. А ты, Марфуга-апа, чего сидишь? Одевайся.

Хозяйка несмело отказалась:

— Спасибо, я лучше в другой раз...

— Ну, смотри. Пошли, командир, маржа-сноха ждёт! — Хайбуш взял Галмаса за локоть и залиvisto рассмеялся: — Гость-то какой!

В ту ночь они не спали, за графином кислушки говорили и говорили. Хайбуш — теперь уже Хайбулла Зиннатович — после демобилизации вернулся в родную деревню, родители его не дождались.

— От них в наследство достался вот этот дом — перед войной только поставили, — рассказывал он. — Отец-мать погибли от голода, сам решил не голодать. За что мы, едрит-кудрит, воевали! Колхоз ничего не давал, думал-думал и устроился заготовителем, собираю рога, копыта, шерсть и прочую

всякую дрянь. Жить можно. Женился, видишь, на марже — русской женщине, познакомились в городе. Хорошая досталась баба, даром что маржа! — ласково взглянул на грудастую свою молодуху. — Мария Федотовна зовётся, а для меня Машка-Милашка! Сын вот у нас родился, год уже, бегать начал, едрит-кудрит!

Когда хозяйка ушла за занавеску укладывать ребёнка, оставшиеся одни, Талмас с Хайбуллой вспоминали войну и однополчан.

— Раскидала нас жизнь, и не узнать теперь — кто где и что с ними... — вздохнул Хайбуш. — Нам, солдатам, уж ладно, а вы, офицеры, поддерживайте связь? Вы ведь трое были неразлучные друзья: командир первого взвода Рождественский, второго — Савинов и ты, командир взвода управления? Где те двое?

— Сергей Савинов недалеко от тебя, город Южный строит.

— Да? — воскликнул Хайбулла. — Съезжу, едрит-кудрит!

— А Бориса Рождественского уже нет в живых, — сообщил Атласов. — В прошлом году погиб, там же, в Южном...

— Не может быть!

— В этой жизни всё может быть...

Талмас рассказал, как после завершения строительства железной дороги Ишимбай-Ермолаевка Савинов с Рождественским приезжали в Уфу за получением правительственных наград и разыскали его в общежитии областной партшколы, где он тогда учился. С ними был и бригадир Рождественского — долговязый носатый парень с рыжей копной волос.

«Намаев!» — развязно представился он. Савинов добавил: «Наш брат, вместе работаем. Среди нас он единственный специалист-строитель. Далеко пойдёт — заочник института». Намаев, самодовольно хмыкнув, подтвердил: «А фули же!»

Тогда они, как бывало в Моршанске в дни армейской службы, закатили в ресторан и обмыли первые трудовые награды, которых удостоились Сергей с Борисом на переднем крае пятилетки. Савинов пошучивал: «узнай кто из наших батарейцев, особенно помпотех Бевзюк — вот бы смеху было! Всё непутёвым меня считали...»

— Слушай, Талмас, — сказал тогда Борис, — не пригласить ли нам того журналиста, который писал о строительстве дороги? Мажита Санбаева?

— Идея! — обрадовался Атласов. — Мы с ним не раз тут встречались, он и меня втянул в газетные дела, и я стал пописывать.

— Ну и правильно, ты же у нас на все руки!..

— А мечту свою мы не осуществили... — с грустью проговорил Талмас.

— Какую?

— Помните, когда собрались на квартире у Сергея, договорились на следующий год, на день Победы поехать вместе в Моршанск? Не удалось...

— Ничего, ещё соберёмся там...

— Ну, я сейчас позвоню Мажиту, дай бог, чтобы он был дома, а то всё мотается по командировкам, — Атласов пошёл звонить.

К счастью, Санбаев оказался в редакции и уже через полчаса примчался в ресторан.

— Вот это да! — радостно сказал он, пожимая руки, — почти вся наша зирганская компания собралась. Чего же, Боря, Сафуру-ханым не привёз?

— Да приболела моя жёнушка. Зато в нашу артель вошёл вот Венька Намаев, мой непосредственный начальник. Познакомьтесь.

Изрядно нагружившись, друзья вздумали пойти в оперный театр на какой-то спектакль; в первом же действии Сергей захрапел, и его, с сияющим на лацкане пиджака новеньким орденом, не совсем вежливо выперли... Естественно, в знак солидарности ушли все. Но смутить ли их этим: купив по пути в общежитие напитков и закуски, они организовали угощение всех обитателей комнаты. На свой «передний край» Борис, Сергей и Намаев уехали только к вечеру следующего дня, отоспавшиеся и весьма довольные «культурным отдыхом в столице»...

— А вскоре жена Бориса сообщила мне, что Борьку насмерть засыпало землёй на стройке. Несчастный случай...

— Жалко парня... — горестно сказал Хайбулла. — На фронте сколько раз засыпало — и ничего, а тут...

Талмас с Хайбуллой, не чокнувшись, выпили по стакану кислушки на помин души Бориса Рождественского и помолчали.

Вдруг Хайбулла заговорил на неожиданную тему:

— Ты, командир, как я принимаю, с большими людьми общаешься. У нас тут при слове «райком» аж трепещут, а ты — в самом что ни на есть высшем «коме» — обкоме, едрит-кудрит, работаешь! Сам большой человек...

— Сказанул... Тот же лейтенант, если не меньше...

— Не говори, лейтенант — тоже не халам-балам. Но я не о том, — Хайбулла зашептал торопливо: — Скажи: нет ли такого, едрит-кудрит, закона, чтобы без шума-канители из ВКП(б) выпасть?

У Атласова глаза полезли на лоб:

— Как это — «выпасть»?

— Ну, чтобы тихо, мирно беспартийным бэльшэвиком стать?

— Что, партию хочешь покинуть?

— Да, надоело, принимаешь, табак нюхать...

— Ты уж толком объясни, это такой шаг, что о нём не за этим говорить, — Талмас кивнул на графин с кислушкой.

— Это ничего, — махнул рукой Хайбулла. — Что у трезвого на уме... Надоело на собрания и партучёбу ходить — каждый год одно и то же бубнят... И главное — все курят — соберутся, и давай дымить. А я бросил. Ты кури, кури, у твоих папирос запах приятный, а наши сосут чёрт те что, ну спасу нет, едрит-кудрит! Потом мне, заготовителю, на кой хрен эта партучёба? Вот и думаю, может, есть какой закон, ну путь, чтобы выпасть...

«Вот тебе политический боец!.. Кто услышит посторонний — посадят...» Атласову хотелось отругать Хайбуллу, сказать, как люди боролись за создание этой партии, прошли тюрьмы, каторги, а в войну как высоко держали звание партийца. Но на громкие слова не решился, промолвил лишь:

— Не слишком ли дёшево ты ценишь членство в Ленинской партии, Хайбулла Зиннатович? Если так легко хочешь «выпасть» из неё, зачем вступал, кто тебя силком загонял в партию?

— Ты, командир, не горячись, — смутился Хайбуш. — Я ведь только посоветоваться... А вступал я на Северо-Западном, в самое горячее время, когда, едрит-кудрит, фон Буш нас колотил. Наш батальон получил приказ выбить фрицев из рощи. После недолгой артподготовки мы, славяне, дружно поднялись. Но тут немец открыл такой огонь, едрит-кудрит, только держись! Откуда ни возьмись, налетели самолёты, обстреливают с бреющего. Ад крошечный! Мы, ясно дело, залегли. Лежим как суслики! И вдруг сквозь грохот слышу голос политрука — хриплый такой, но требовательный: «За Родину, вперёд!» С неделю назад убило у нас командира роты, так командование взял на себя политрук. Сам маленький такой, как я, жилистый, человек уже в годах, лет сорока будет. Хочу подняться, выполнить приказ. Но на тебе: не могу, всё мое тело что есть мочи жмётся к земле, прямо хочет с ней слиться, зарыться с головой. Едрит-кудрит, что тут было! Вижу: в прошлогодней траве бегают какая-то букашка. Махонькая такая! Так завидно мне стало — ей-то в атаку подниматься не надо, ей жить, а мне — погибать к едрёной матери!.. Лежу так, дрожу, а немец знай, шпарит. И вновь слышу тот хриплый голос: «Коммунисты, вперёд!» И знаешь, показалось, что политрук это ко мне обращается. Откуда такое и какой я к чёрту коммунист, если букашке завидую! Но какая-то сила оторвала меня от земли. В мыслях, казалось, ещё лежу, боюсь поднимать голову, а сам, едрит-кудрит, уже бегу, машу винтовкой, да ещё кричу «Вперёд, ура-а!» Чую — за мной встали другие братья-славяне, подхватили мой крик. «Ура!» всё нарастало и нарастало, заглушая страх. Очистили тогда рощу, выполнили приказ, но меня в самом конце боя поранило. Долго я думал потом, лёжа на госпитальной койке: откуда, едрит-кудрит, взялась такая сила, и кто меня надоумил, что я вдруг коммунист — у нас же тогда в роду не было партийных. Думал-думал и подал заявление в партию. Вот в какую партию я вступал. Которая силу прибавляет...

— Говоришь ты красиво...

— Красиво-некрасиво, говорю, что думаю. А сейчас вся моя партийность — на партучёбу ходить. Слушать, как наш дурак-пропагандист бубнит из года в год одно и то же. Да и чадят ужасно, голова болит. А работать — я маху не даю, вкалываю как надо...

— Ты помнишь лейтенанта Бевзюка, помпотеха дивизиона?

От неожиданного вопроса Хайбулла растерялся, но быстро взял себя в руки:

— Как не помнить? Все наши дивизионские перед глазами! Едрит-кудрит, вот были ребята!

- И лейтенанта Бориса Рождественского помнишь?
 - Конечно! Уволили его раньше времени в запас...
 - Его не уволили — сам уволился. После дуэли, вернее несостоявшейся дуэли с лейтенантом Савиновым, обиделся на командование за наказание и подал рапорт. По этому случаю Бевзюк, знаешь, что говорил?
 - Интересно, едрит-кудрит! — Хайбулла от нетерпения подпрыгнул на месте, потёр руки.
 - Он сказал: это и есть сжечь шубу в отместку вшам. Понял?
 - Выходит, я тоже...
 - Да, из-за пропагандиста, как говоришь, дурака, ты хочешь вычеркнуть из жизни тот бой, того политрука и ту силу, которая помогла тебе перебороть самого себя...
- Хайбулла долго молчал. Потом сказал:
- Понял. А того политрука убило тогда. Других поднял, а сам остался лежать навсегда... Давай, командир, не будем больше об этом говорить. Извини, мало-мало ошибку дал...

2.

«Без воли Аллаха и солома не колыхнётся», — говорили старики в ауле и добавляли: — «Что на роду написано — того не миновать». Савинов же шутил: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе».

Судьба с Атласовым начала играть злую шутку после поездки на трассу будущей железной дороги Ишимбай-Ермолаевка в качестве квартирьера. Работая секретарём райкома комсомола, он, между делом, сдал в Биштюбинской средней школе вступительные экзамены на исторический факультет пединститута (здесь был образован консультпункт его заочного отделения).

Осенью выполнил несколько письменных работ, зимой поехал в Уфу на сессию и на одном дыхании сдал все экзамены за первый курс, а весной был направлен в колхоз уполномоченным райкома партии по севу. Но в самый разгар полевых работ его срочной телефонограммой отозвал первый секретарь райкома Худайгулов.

- Вот что, это самое, браток Атласов, — начал он, кивком головы посадив против себя, — ты значса поедешь учиться.
- Учиться?! — у Талмаса сердце радостно ёкнуло.
- Да, учиться. В областную партийную школу значса. Нам нужны политически грамотные помощники.
- Но я уже учусь заочно в пединституте, закончил один курс...
- Пединститут — это значса баловство! Тебе оказываем доверие: обком выделил нам одно место в партшколу, бюро райкома решило направить тебя. На два года значса.